
Тамара Джерманович

ДИАЛОГ С ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ В «ЗАПИСКАХ ИЗ ПОДПОЛЬЯ» ДОСТОЕВСКОГО

Немногие из произведений современной литературы были более читаемы, чем «Записки из подполья», или чаще цитировались в качестве основного произведения, отражающего скрытые вопросы нашего времени. С позиций начала XXI века дискурс этого романа предваряет некоторые подходы философского, психологического и литературного анализа, которые в свое время могли показаться несколько необычными, но стали преобладающими в XX веке и в настоящее время оказываются глубоко связаны с современностью. Крупные современные философские течения — ницшеанство, фрейдизм, экспрессионизм, сюрреализм, экзистенциализм — переняли персонажа, воссозданного Достоевским. Герой из подполья является пророческим предзнаменованием вопросов, которые поставит перед собой западная литература и философия XX века.

С этой точки зрения «Записки», будучи одним из «предчувствий» современного сознания, представляют собой потрясающий синтез — революционной психологии современного человека, экзистенциализма с его выражением абсурдного, тоталитарных и материалистических идеологий: с одной стороны, социализма и коммунизма и, с другой стороны, капитализма.

Что касается психологии, доминирующей в XX веке, анализ мысленного подполья современного человека пересекается с Ницше и иногда с Фрейдом. При сравнении Достоевского с Ницше «Записки» служат ориентиром. В этой книге крайний эгоизм, ка-

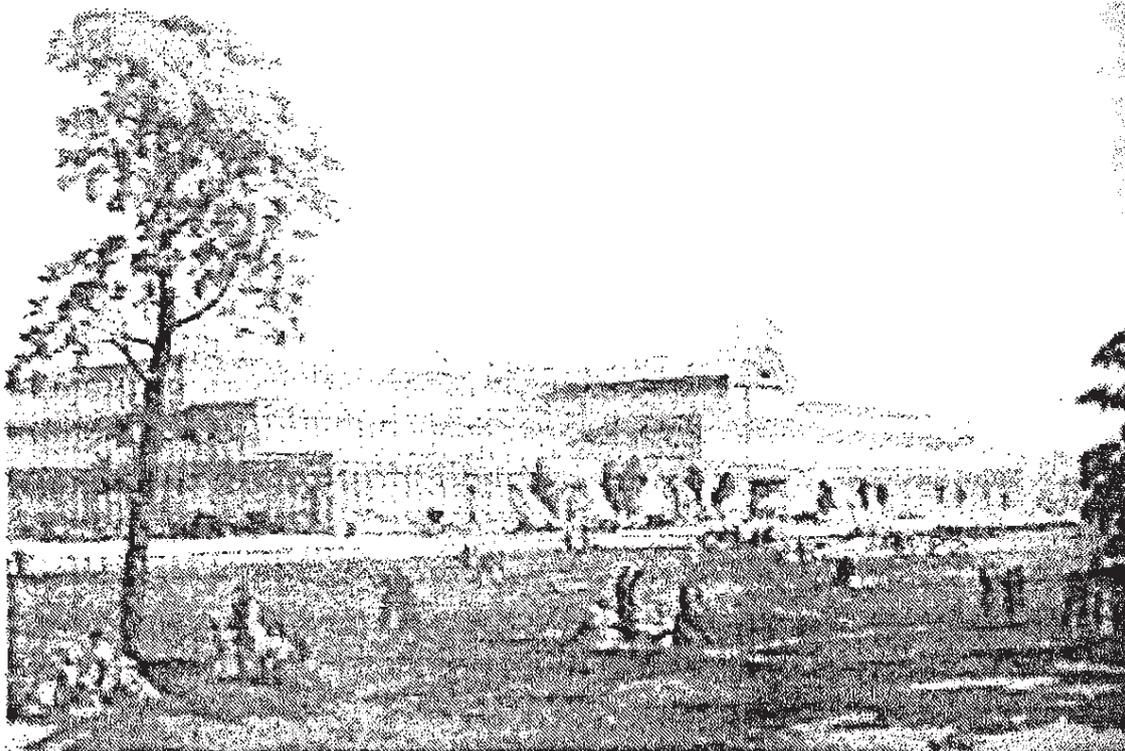
жется, сводит на нет идеалы чувств и человечности предыдущих произведений Достоевского. Утверждение героя: «Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить» (5; 174), выражает эгоцентричную и крайне аморальную позицию, далее развитую Ницше в идеал Сверхчеловека. Достоевский является предтечей анализа абсурдного, в котором будет преобладать Кафка.

Идея написания «Записок из подполья» возникает в 1862 г., когда Достоевский впервые едет в Западную Европу и посещает семнадцать европейских городов. Из многочисленных впечатлений этого путешествия выделяется одно, которое в книге фигурирует в качестве первого пункта обвинения европейской жизни: научно-технический прогресс является попыткой применения логических критериев ко всем сферам человеческой жизни: «Если вы скажете, что и это все можно рассчитать по табличке, и хаос и мрак, и проклятие, так уж одна возможность предварительного расчета все остановит и рассудок возьмет свое» (5; 116—117).

Оппонентом рассказчика, использующего личные местоимения прямого («вы») либо непрямого обращения («они») или даже наречия и неопределенные местоимения («там», «то»), можно считать западный мир¹.

В своей критике европейского мира Достоевский выступает против главного тезиса просвещенческой мысли XVIII века: благодаря обучению, научно-техническому прогрессу, другими словами, «развитию цивилизации» человечество станет лучше, а человек более разумным. Критика эта направлена против всякой концепции жизни, которая руководствуется рассудком; Достоевский восстает против позитивизма, научного рационализма и наукообразности, против утопического социализма, императивов и классификаций Просвещения, против мифа и идеи прогресса.

Протест против позитивизма также относится и к дарвинизму — Достоевский намекает на «Происхождение видов». Подпольный персонаж в своем нежелании принять жизнь, управляемую логическими законами, отказывается оценивать ее с точки зрения эволюционного прогресса, поскольку это значило бы построить еще одну «каменную стену» в собственном сознании. Когда он восклицает: «Не примиряться ни с одной из этих невозможностей и каменных стен...» (5; 106), не отказываясь от существования «законов природы, заключений естественных наук, арифметики» (которые символизируют эту «каменную стену»), Достоевский ос-

«Хрустальный дворец» Джозефа Пакстона, Гайд-парк, Лондон, 1851

тавляет за человеком право разрушить стену или просто игнорировать ее: «Ведь дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти» (5; 118—119).

«Записки» оперируют особым языком метафор, который для Достоевского является воплощением духа рационализма: «Хрустальный дворец», «арифметика», «клавиши фортепиано», «каменная стена», «дважды два четыре», и т.д. Хрустальный дворец, построенный в Лондоне в 1851 г. по проекту Джозефа Пакстона для Всемирной выставки, стал для писателя свидетельством все более бесчеловечного будущего Европы: «Все поступки человеческие, само собою, будут расчислены тогда по этим законам, математически, вроде таблицы логарифмов, до 108.000, и занесены в календарь» (5; 113)².

Восстание против рационализма, символизируемого Хрустальным дворцом, сопряжено на протяжении всей книги с мыслью о том, что страдание, хаос и разрушение составляют важную часть духовной сути человека: «А человек иногда ужасно любит страдание, до страсти, и это факт <...> Хорошо ли, дурно ли, но разломать иногда что-нибудь тоже очень приятно» (5; 119).

Такое понимание страдания как неизбежного спутника действия и знания объясняет сравнение, которое проводится между идеями Достоевского и Кьеркегором и Ницше. Оно проявляется в идее о том, что страдание есть источник знания: «Страдание — да ведь это единственная причина сознания» (5; 119). В то же время, ироничный и местами саркастичный тон дискурса указывает на то, что Достоевский хочет обличить эту склонность к страданию, которая особенно заметна у русских людей: «Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем <...> У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно» (21; 36).

Прототипом является русский интеллигент первой половины века, хотя автор настаивает, что он имеет в виду «абстрактного человека», неспособного противостоять реальности.

* * *

Но в «Записках» содержатся и прямые ссылки и высказывания по поводу определенных представителей и теорий западной мысли. Наиболее прозрачные намеки делаются на европейские идеи XVIII века, когда под знаменем Просвещения появляется ряд течений, оспариваемых Достоевским: позитивизм, рационализм, эгоцентризм, эстетизм, утилитаризм, идея прогресса и так далее.

Чтобы показать ошибочность мнения мыслителей эпохи Просвещения о том, что повышение образованности положительно скажется на всех аспектах человеческого существования, Достоевский предлагает взглянуть на картину событий своего века: «Да, логистика! Ведь утверждать хоть эту теорию обновления всего рода человеческого посредством системы его собственных выгод, ведь это, по-моему, почти то же... ну хоть утверждать, например, вслед за Боклем³, что от цивилизации человек смягчается, следовательно, становится менее кровожаден и менее способен к войне» (5; 111) и заключает: «Да оглянитесь кругом: кровь рекою льется, да еще развеселым таким образом, точно шампанское. Вот вам все наше девятнадцатое столетие, в котором жил и Бокль. Вот вам Наполеон — и великий, и теперешний⁴. Вот вам Северная Америка — вековечный союз. Вот вам, наконец, карикатурный Шлезвиг — Гольштейн⁵ <...> Замечали ли вы, что самые утонченные

кровопроливцы почти сплошь были самые цивилизованные господа, которым все эти разные Атиллы да Стеньки Разины иной раз в подметки не годились <...> По крайней мере, от цивилизации человек стал если не более кровожаден, то уже, наверно, хуже, гаже кровожаден, чем прежде» (5; 112).

В основном ироничным и саркастичным тоном в «Записках» Достоевский ведет открытый диалог с Руссо, Кантом и неявный — с Дидро, Гегелем, Шеллингом, Шиллером и другими. В комментариях читаем: «Жонглируя суждениями и теориями Канта, Шопенгауэра, Штирнера, герой “Записок из подполья” заключает, что философский материализм эпохи Просвещения и идеи представителей французского утопического социализма, равно как и абсолютного идеализма Гегеля, неизбежно ведут к фатализму и отрицанию свободы воли, которая для него была превыше всего» (5; 380).

Хотя Достоевский критичен по отношению к своему герою, но в его уста вложен дискурс, который несет суть собственных возражений Федора Михайловича европейской мысли. Автор «Записок» также переосмысляет основы западной философии: мир идей Платона. Одним из возможных прочтений «Записок» является возражение платоновскому мифу о пещере. Русский писатель стремится освободить человека, погруженного в созерцание вечных идей, — идеал, описанный в седьмой книге «Республики». Однако «речь идет о том, чтобы спуститься не в пещеру для спасения других, а в подполье человеческого существования, где метафизические нормы теряют всякий смысл и откуда можно наблюдать истинные стремления человека, <...> где зачастую ненависть преобладает над любовью, удовольствие над болью, мелкие подлости над склонностью к добру»⁶.

Здесь Достоевский выступает против философской иллюзии метафизического мира Платона и с помощью своего героя показывает, что между идеалами и поведением человека лежит пропасть: «Но сколько любви, Господи, сколько любви переживал я, бывало, в этих мечтах моих, в этих “спасеньях во все прекрасное и высокое”: хоть и фантастической любви, хоть и никогда ни к чему человеческому на деле не прилагавшейся, но до того было ее много, этой любви, что потом, на деле, уж и потребности даже не ощущалось ее прилагать: излишняя б уж это роскошь была» (5; 133).

Философ из подполья формулирует свою мысль «с точки зрения бездействия» — как теорию, рассуждение и созерцание, — а не с точки зрения жизненного опыта. В этом смысле можно увидеть здесь параллель с мыслью Платона, который разделяет мир идеальный и мир чувственный. «Философский ум обычно расчленяет мир пронизательным взглядом, созерцая его с некоей высшей точки, подпольный же философ не может ни проникнуть в мир, ни прорваться в ином направлении», — пишет Ниситани⁷.

Прямой диалог с европейской мыслью начинается со ссылки на Жан-Жака Руссо на первых страницах книги. Между прочим, сначала Достоевский собирался назвать роман «Исповедь», намекая таким образом на произведение французского философа. В первых главах упоминается «*homme de la nature et de la vérité*» («человек природный и истинный») Руссо и его концепция «естественного человека». Мысль о том, что человек добродетелен по своей природе и что его испортило влияние цивилизации, иронически оспаривается Достоевским через своего эрудированного героя⁸.

Кроме высказываний против философии натурализма и идеи «естественного человека», в «Записках» ставится под сомнение искренность французского мыслителя: «По его (Гейне. — Т. Дж.) мнению, Руссо, например, непременно налгал на себя в своей исповеди, и даже умышленно налгал, из тщеславия» (5; 122). Достоевский полагает, что подобная «нескромность» возможна только при недостатке сознания (и как он говорит, «врожденной глупости») человека Руссо. Далее он противопоставляет возможность абстрактного добра, якобы присущего воспетому Руссо «человеку природному и истинному», реальному злу созданного им персонажа.

Тем не менее, между образцом человека, воссозданным Руссо, и подпольным героем есть нечто общее: движимые непосредственными страстями, они способны на низкие поступки. Также Достоевский солидарен с Руссо в отрицании идеи Просвещения о том, что образование и культура делают человека более нравственным⁹. Однако Достоевский не согласен с императивом «возврата к природе», предложенным французским философом, и прежде всего здесь ставится под вопрос искренность интимных признаний Руссо.

Далее спор заводится с Дидро и другими идеями Просвещения. Метафора «клавиш фортепиано», достаточно частая в рома-

не, направлена против рационализма в целом и непосредственно против слов Дидро, который употребляет ее по отношению к человеку в «Разговоре Д'Аламбера с Дидро».

Достоевский не оставляет без внимания и критических замечаний ни одно из ведущих течений европейской мысли. Многочисленны упоминания Канта, Шиллера и немецкого романтизма. Когда человек из подполья упрекает себя в собственном бездействии, инертном созерцании, страстно желая найти себе определение, пусть даже приблизительное, Достоевский иронизирует по поводу понятия «прекрасного и возвышенного» из трактатов по эстетике XVIII века и, в частности, Канта¹⁰.

«Это прекрасное и высокое сильно-таки надавило мне затылок в мои сорок лет <...> Я бы придирался ко всякому случаю, чтоб сначала пролить в свой бокал слезу, а потом выпить его за все прекрасное и высокое» (5; 109).

Хотя непосредственная ссылка здесь на Канта, Достоевский имеет в виду эстетизм в целом и злоупотребление терминами «прекрасное» и «возвышенное». Когда главный герой заявляет: «Я бы все на свете обратил тогда в прекрасное и высокое» (5; 109), восхваляя любое искусство и бездельничая («и такое себе отрастил бы я тогда брюхо, такой тройной подбородок соорудил, такой бы сандаальный нос себе выработал» — 5; 110), можно увидеть здесь иронию по отношению к теории «искусства ради искусства» в целом. Есть упоминание того, что Кант именует идеей «вечного мира». В эссе с таким названием немецкий философ ведет речь о состоянии отсутствия агрессии, к которому должен прийти человек, который руководствуется разумом, а не инстинктами.

Диалектическая и скептическая ирония «Записок» направлена против других выразителей идей философского идеализма. Для «подпольного» «все действительное неразумно, все неразумное действительно», — замечает Назиров, указывая что это могло бы послужить ответом на известную фразу Гегеля: «Все действительное разумно и все разумное действительно»¹¹.

Ироничный тон дискурса персонажа из подполья имеет целью опровергнуть этику Просвещения. Главный герой обретает убежище в мире фантазий и выступает творцом нового знания, «подпольного знания». На протяжении всей повести оно оказывается знанием индивидуальным, не совсем логичным и часто двусмысленным и, главное, более объемным, чем рационалистические те-

ории: «Сознание, например, бесконечно выше, чем дважды два» (5; 119). Также, как можно думать, в «Записках из подполья» постоянно оспариваются идеи Гегеля о прогрессе исторических эпох, о «конце истории» и тому подобное. «Ну, пожалуй, и однообразно: дерутся да дерутся, и теперь дерутся, и прежде дрались, и после дрались <...> Одним словом, все можно сказать о всемирной истории, все, что только самому расстроенному воображению в голову может прийти. Одного только нельзя сказать, — что благоразумно» (5; 116). С другой стороны, Ниситани проводит аналогию между идеями Гегеля и Достоевского и находит, что они отчасти совпадают в том, что мир философа всегда есть мир «перевернутый».

Навязчивая идея свободы, главная в этой и других книгах Достоевского, указывает на другого представителя европейского идеализма — Фридриха Шеллинга. Почитаемый славянофилами, этот мыслитель был достаточно известен в России, хотя и с типичной переориентацией его идей к местным условиям. Как и Шеллинг в своем трактате о свободе, Достоевский полагает, что свобода человека может выражаться в двух направлениях: свобода для добра и свобода для зла. В разговоре с Лизой герой пользуется вторым видом свободы. Когда он описывает девушке, какими будут ее похороны, то делает это с точки зрения «словесного» зла: «Купят колоду, вынесут, как сегодня ту, бедную, выносили, в кабак поминать пойдут. В могиле слякоть, мразь, снег мокрый, — не для тебя же церемониться? “Спускай-ка ее, Ванюха; ишь ведь “учась”, и тут верх ногами пошла, таковская. Укороти веревки-то, пострел” <...> Засыплют поскорей мокрой синей глиной и уйдут в кабак... Тут и конец твоей памяти на земле» (5; 161).

Писатель приподнимает завесу над тенденциями современности, когда ценности меняются местами; речь уже идет не о врожденной склонности к добру или злу¹². Это другое понятие, которое предваряет анализ состояния человека в мысли XX века.

* * *

Статью, в которой делается попытка изучить связь «Записок» Достоевского с западной философией, можно завершить только многоточием. Кроме трудности, которую представляет изучение многочисленных ссылок на предшествующую европейскую фи-

лософию, очень сложно установить нить диалога *a posteriori*, поскольку повесть оказала огромное влияние на западную мысль, как на отдельных философов, так и на все литературные и философские течения, которые рассматривают мир с позиции собственного «я».

В контексте ведущих российских и европейских идеологий своей эпохи дискурс Достоевского поражает своей актуальностью. Некоторые стилистические черты «Записок» также оказываются современными: они отображают нарциссизм современной литературы («Я же пишу для одного себя и раз навсегда объявляю, что если я и пишу как бы обращаясь к читателям, то единственно только для показу, потому что так мне легче писать» — 5; 122), а также языковое самосознание («Разумеется, все эти ваши слова я сам теперь сочинил» — 5; 122), и даже современную романтическую иронию. Созданный им тип антигероя станет одним из любимейших персонажей литературы XX века.

В контексте темы спора между Россией и Европой, «Записки из подполья» Достоевского, опровергая распространенные европейские идеологии — позитивизм, утилитаризм, материализм, идею истории и прогресса — и не имея своей целью создать прорусскую либо философски или идеологически верную теорию, в действительности указывают альтернативные пути, которые со временем стали неперенными при анализе общества и современного человека.

Примечания

¹ Возможно, здесь подразумеваются и некоторые русские деятели той эпохи, прежде всего Чернышевский.

² Здесь упомянут Фурье, автор исчерпывающей картины человеческих страстей, которые, по его мнению, будучи неизменными законами человеческой природы, могут быть реализованы при социальном устройстве любого образца. Также Достоевский имел в виду Чернышевского — его теория, по мнению писателя, полностью аннулирует человеческую индивидуальность.

³ Генри Томас Бокль (1821—1862), английский историк и социолог, автор «Истории цивилизации в Англии», изданной в Петербурге в 1863 г. Эта книга, в которой Бокль отстаивает мысль о том, что развитие цивилизации ведет к прекращению войн, привлекла внимание Достоевского прежде всего упоминанием роли России в Крымской войне.

⁴ Относится к Наполеону I (1769—1821) и Наполеону III (1808—1873), при правлении которых Франция приняла участие в наибольшем количестве войн.

⁵ Шлезвиг-Гольштейн был немецким княжеством, которое с 1773 г. принадлежало почти полностью Дании и после окончания войны с Пруссией в 1864 г. перешло в состав прусского государства.

⁶ **Eltchaninoff M.** *Dostoïevski: roman et philosophie.* — Paris: Presses Universitaires de France, 1998. — Д. 41—42.

⁷ **Nishitani K.** *The Self-overcoming of nihilism.* — New York.: Albany State University of New York Press, 1990. — P. 142.

⁸ Оставляя на французском языке термин «l'homme de la nature et de la vérité», Достоевский делает прозрачный намек на Руссо, который написал в своей «Исповеди» (1782—1789): «Je veux montrer à mes semblables un homme dans tout la vérité de la nature; et cet homme, ce sera moi» («Я хочу показать своим собратьям человека в его истинной природе — и этим человеком буду я». — *ped.*). **Rousseau J.J.** *Les confessions // Rousseau J.J. Oeuvres complètes.* — V. I. — Paris: Gallimard-Bibliothèque de la Pléiade, 1986. — P. 5.

⁹ В своей книге «Рассуждение о науках и искусстве» (*Discours sur les sciences et les arts*, 1749) Руссо дает отрицательный ответ на вопрос, улучшают ли нравственность наука и искусство. Хотя в своем осуждении рационализма и предпочтении чувств и страстей он спорит с просвещенческой мыслью, в его произведении присутствует идеал личностного самосовершенствования согласно с социально-политическими течениями эпохи Просвещения. Взгляды Руссо на свободу как основу человеческой личности и главенствующую роль логики сердца (*logique de coeur*) оказали значительное влияние на Канта, Фихте, Шиллера, Гете и послужили одним из источников вдохновения для литературы романтизма, впрочем как и для революционных мыслителей XVIII и XIX веков.

¹⁰ В сочинении «Размышления над чувством прекрасного» (1764) И. Кант ведет разговор на эту тему, однако именно в «Критике способности суждения» (1789) он подробно описывает прекрасное и возвышенное, две основные категории своей эстетической теории.

¹¹ **Назирова Р.Г.** Об этической проблематике повести «Записки из подполья» // Достоевский и его время. — Л.: Наука, 1971 (Институт русской лит-ры АН СССР). — С. 151 (цит. по ПСС Ф.М. Достоевского — 5; 380).

¹² Подпольный герой положительно наслаждается собственным уничтожением: «Бывали со мною такие минуты, что если б случилось, что мне бы дали пощечину, то, может быть, я был бы даже и этому рад <...> Но в отчаянии-то и бывают самые жгучие наслаждения, особенно когда уж очень сильно сознаешь безвыходность своего положения» (5; 103). Эта идея формулируется также М. де Садом, Дж. Леопарди и позже Ф. Ницше. Она связана с другой темой, акцентированной в «Записках», которую Достоевский разделяет с этими писателями, — удовольствие от боли.